

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART III. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 4

Culture and anthropology research journal. 2024. № 4

Научная статья

УДК 008 (47 + 57) + 398

Народнические пропагандистские сказки в контексте революционной борьбы: культурологический взгляд

Спесивцева Вера Александровна¹, Спесивцева Маргарита Юрьевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В 70-х гг. XIX в. в России началось активное «хождение в народ», подразумевающее просвещение народных масс с целью поднятия восстания против самодержавия. Революционная агитация предполагала создание специальных брошюр, способных объяснить крестьянину простым языком несправедливость системы, в которой он живет. Самым актуальным жанром пропагандистской литературы, отражающим социалистические идеи того времени, оказалась сказка. Однако «спрятанные» народниками в фольклорную обертку призывы к бунту так и не были восприняты крестьянством. В статье путем культурологического анализа дается объяснение причин, по которым использование народнических пропагандистских сказок в рамках революционной деятельности не принесло успеха.

Ключевые слова: миф; сказки; русские сказки; народничество; революционно-освободительное движение; фольклористика

Для цитирования: Спесивцева В. А., Спесивцева М. Ю. Народнические пропагандистские сказки в контексте революционной борьбы: культурологический взгляд // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 4. – С. 40–47.

Scientific article

Populist Propaganda Tales in the Context of the Revolutionary Struggle: a Cultural View

Vera A. Spesivtseva¹, Margarita Yu. Spesivtseva¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. In the 70s of the 19th century, Russia began to actively “going to the people”, which meant educating the masses in order to revolt against the autocracy. Revolutionary agitation implied the creation of special pamphlets capable of explaining to the peasant in simple language the injustice of the system in which he lives. The most relevant genre of propaganda literature, reflecting the socialist ideas of the time, turned out to be the fairy tale. However, the calls for rebellion “hidden” by the Narodniks in

a folkloric wrapper were not perceived by the peasantry. The article explains why the use of narodniks propaganda tales as part of revolutionary activity was not successful by means of cultural analysis.

Keywords: myth; fairy tales; Russian fairy tales; narodniks; revolutionary liberation movement; folklore

For citation: Spesivtseva V. A., Spesivtseva M. Yu. Populist propaganda tales in the context of the revolutionary struggle: a cultural view. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 4, pp. 40–47.

Сказка (в современном смысле ее понимания) в культуре каждого народа занимает особое место. Будучи продуктом народной жизни, она включает в себя все те черты, которые присущи ее народу-создателю. При этом транслируемые в сказках различные комбинации ключевых мифологем, представленных общими для всего человечества сюжетами (потоп, похищение огня, возрождение из мертвых, особая роль правителя и пр.), как отмечал Дж. Кэмпбелл [7, с. 5], передаются в более понятной, чем мифы, «мирской» интерпретации. Один из самых значимых исследователей мифологии М. Элиаде также определял сказку как облегченную копию мифа и ритуала инициации [16, с. 198], а ее основную функцию – не как десакрализацию мифа, а упрощение его содержания, делающее понятным для масс мотив высших сил. На миф как на источник сказки указывал и советский фольклорист В. Я. Пропп [13, с. 13]. Однако если в данном случае перечисляются характерные черты волшебной сказки, генезис которой был подробно изучен и описан многими исследователями, то социальная роль, сюжетное наполнение и специфика рассматриваемой в статье нелегальной пропагандистской сказки, хоть и заимствующей многие морфологические элементы волшебной, но все же относящейся к отдельной категории жанра, требуют уточнения.

Российскими революционерами сказки как инструмент пропаганды были осознаны во второй половине XIX в. Одним из первых в народнической среде их собиранием и изучением для дальнейшей «переработки» занялся И. А. Худяков, избрав метод личного общения с крестьянством. Записанные им в Рязанской губернии, Казани и Москве сказки были изданы в сборнике под названием «Великорусские сказки» в 1860–1862 гг. Стоит отметить, что автор не пытался передать фонетические и стилистические особенности народной речи – он преследовал революционные цели, осуществить которые удалось лишь частично, ввиду цензуры. Наиболее остросатирические произведения, показывающие несостоятельность существующего государственного строя и трудности жизни крестьянства, так и не увидели свет, потому что были утрачены при аресте народника [12, с. 76]. Среди других революционеров, занимавшихся фольклористикой в 1860-х гг., стоит отметить И. Г. Прыжова. Подобно И. А. Худякову он собирался издать свой сборник сказок на основе крестьянских рассказов – «История крепостного права преимущественно по свидетельству самого народа», но этого также не произошло. Другой труд И. Г. Прыжова, посвященный религиозной стороне общественной жизни, как и в случае с его предшественником, был уничтожен самим автором перед задержанием [12, с. 77–78].

В 1870-х гг. вместе с «хождением в народ» на смену нереализованным проектам народников-фольклористов прошлого десятилетия пришла активная пропаганда революционных идей через распространение «ряженой» литературы. Революционные брошюры, транслирующие идеологию народничества, маскировались под уже существующие серии изданий для народа, лубки или жития святых. С одной стороны, это делалось для обмана полиции, с другой – те же лубочные книги были хорошо знакомы крестьянам и широко востребованы в их среде [14]. И все же наиболее широко в деле пропаганды использовались фольклорные жанры, что было обусловлено доступностью языка для крестьян и обилием общеизвестных сюжетов, которые легко модифицировались. В жанре сказок народники издали «Сказку о четырех братьях», «Сказку о копейке», «Сказку-говоруху» («Сказку о Мудрице Наумовне»), «Хитрую механику» («Чудесную сказку о семи Семионах, родных братьях») и др.

Так или иначе, несмотря на грамотно проведенную работу революционеров в области печати и распространения нелегальной литературы, их труды не стали пользоваться популярностью у крестьян. Безуспешность использования пропагандистских сказок в революционном деле описывали многие народники в своих мемуарах. Например, О. В. Аптекман писал, что «Сказка о четырех братьях», предварительно процenzурованная им, «слушалась вообще очень охотно, но, как „сказка“ – и только» [1, с. 171]. Тем не менее сама идея народников обратиться к сфере творчества для изменения взглядов крестьянства была, безусловно, верной. Именно в творчестве наиболее ярко проявляются созидательные возможности народа. Почему же, казалось бы, беспроигрышный вариант трансформации сознания народных масс через творческую сферу оказался нереализуемым? Большую роль здесь сыграл тот факт, что коммуникация с помощью сказки велась с помощью двух разных знаковых систем. И хотя вариативность трактовок сюжетов и используемых символов в сказке не отменяет присущую ей единообразную логику осмысления и обдумывания [15, с. 23], в первую очередь символы являются опорой для обществ, базисом для их единства. Потеря символов, которые массы часто трактуют буквально [8, с. 19], ведет к неустойчивости общества и оценивается как социокультурная утрата. Говоря на одном языке, семантически сообщества народничества и крестьянства находились очень далеко друг от друга. Чтобы понять причины, по которым у революционеров не получилось добиться крестьянского восстания путем распространения сказок, сначала необходимо углубиться в семантику этого слова, а после разобраться в конструкте и символизме самих произведений.

В определении А. И. Никифорова, сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие в содержании необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением [10, с. 20]. Отсюда следует выделить один из основных признаков сказки – целеустановка на развлечение слушателей. Соответственно, сказка не может использоваться в дидактических целях, в отличие от мифов или легенд (когда сказка расска-

зывается с целью поучения, то она превращается в легенду с особым построением сюжета). При этом важно учитывать тот факт, что крестьяне отличали сказку от тех же былин, имеющих стиховой размер и особую «обрядность» и бывальщин – рассказов бытового характера о действительных случаях местной жизни (суеверные рассказы о чертях, леших, колдунах и т. п.) [10, с. 26–27]. Это указывает на то, что, несмотря на разницу в самом восприятии значений символов, заложенных в пропагандистские сказки, крестьянство могло верно интерпретировать многие из них.

О сказках нельзя судить по отдельным фрагментам (фольклорным зачинам и концовкам), вырванным из общего повествования. Нужно рассматривать их стиль и сюжет в совокупности всех конструктивных элементов [2, с. 169], включая скрытые в самом тексте символы. Согласно В. Я. Проппу, среди основных составных частей сказки – функции действующих лиц, а также связующие элементы – мотивировки, формы появления действующих лиц, атрибутивные элементы или аксессуары. Именно эти пять разрядов элементов определяют собой уже не только конструкцию сказки, но и всю сказку в целом [11, с. 105]. Далее в статье будут указаны примеры основных элементов пропагандистских сказок, с помощью которых крестьяне могли идентифицировать произведения народников как сказки и, как следствие, не воспринимать их поучительный потенциал.

«Сказка о четырех братьях», написанная Л. А. Тихомировым, повествует о живших в глухом лесу четырех братьях – Иване, Степане, Демьяне и Луке. После того как они узнали, что в мире есть другие люди, то отправились на четыре стороны света – Север, Юг, Восток и Запад, чтобы найти лучшую жизнь. По итогу каждый из братьев сталкивается с несправедливостью – простого мужика везде обманывает местное начальство. Попытки поднять крестьянский бунт у братьев по отдельности не приводят к успеху. В конечном счете всех главных героев за их «проступки» приговаривают к каторге. По дороге в Сибирь братья сбегают и отправляются вместе проповедовать бунт по всей России. Л. Г. Дейч отмечал, что рабочие и крестьяне обыкновенно слушали с большим интересом чтение этой сказки, т. к. в ней самым популярным языком рассказывалось про господствующую повсюду в России несправедливость, и указывался путь к ее устранению [4, с. 60–61]. Л. А. Тихомирову действительно удалось передать народную речь, которая, самое главное, легко воспринималась задуманным адресатом. Среди других достоинств брошюры – использование самых распространенных функций действующих лиц, известных крестьянам из волшебных сказок: *I (отлучка; е3) – члены семьи отлучаются из дома, VIII-а (недостача; а5) – одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо, XI (отправка, ↑) – герои покидают дом и т. д.* Современники отмечали революционный потенциал этой сказки: по мнению А. Л. Линева, величайшим достоинством «Сказки о четырех братьях» было то, что она «не оставляет никакого сомнения у всякого, кто прочитает ее, что делать» [5, с. 59]. На самом деле такой простой конструкт, характерный для волшебных сказок, обесценивал глубокие смыслы, заложенные в «Сказку о четырех братьях».

«Сказка-говоруха» под авторством С. М. Кравчинского представляет из себя изложение «Капитала» К. Маркса. В отличие от прошлой сказки, она имела очень небольшой успех в крестьянской среде, однако ее отрывки активно читались и перечитывались среди социалистической молодежи (по крайней мере за границей) [9, с. 138]. Главный герой, желающий узнать «как должно жить народу русскому, чтоб не мучиться вечной мукою», встречается мудрого старца Наума, который открывает ему истину. Одна из дочерей-бабочек старца, Мудрица Наумовна, переносит героя в Англию и показывает, до каких мук довели богатеи английский народ. Там герой узнает о существовании союза рабочих и много трудится. Вскоре он принимает участие в бунте на фабрике, в результате которого теряет своего близкого товарища. Так герой разочаровывается в борьбе за свободу и упрекает Мудрицу Наумовну за обман. «Нет на свете народа, который жил бы счастливо, потому что у всех народов есть помещики, хозяева, власти», – отвечает ему та, и переносит героя в Брюссель, где собираются выборные от всех рабочих. Там герой узнает, как избавиться от мук народу русскому, и возвращается в Россию. В конце приводится подробное описание жизни всех народов после победы идей социализма. Главная особенность «Сказки-говорухи» состоит в том, что в ней объединены два стилистических ряда. Первый – сюжетно переосмысленный – идет из фольклора; второй стилистический ряд появляется из потребности поднять сказку на уровень пропагандистского программного документа, характерного для многих произведений С. М. Кравчинского. Сказочная обрядность и фольклорная фразеология приспособляются к политическому содержанию пропаганды, в результате чего сказка принимает на себя функции и прокламации, и социально-экономического трактата [2, с. 169]. Таким образом, сложный для восприятия авторский язык С. М. Кравчинского и недоступность прочтения основного символа произведения (Мудрица Наумовна – книга (ассоциация с бабочкой) – «Капитал» К. Маркса) сделали невозможным для понимания крестьян смыслов «Сказки-говорухи».

В народе много циркулировала другая сказка С. М. Кравчинского – «Сказка о копейке», хотя ее литературное достоинство гораздо ниже ранее рассмотренных произведений [9, с. 138]. В «Сказке о копейке» автор ведет повествование от лица простого мужика. Главный герой сказки выкапывает медную копейку и обрадованный отправляется домой, после чего встречается попа и отдает ему свою находку. Далее описывается циклический процесс перехода копейки от попа к помещику, от помещика к купцу и от тех обратно к трудящемуся через страдания мужику. В какой-то момент мужик понимает, что стал жертвой обмана и отказывается платить помещику и попу. За его отказом следует наказание – для того, чтобы заставить мужика платить, к нему отправляют роту солдат. Герою сказки приходится скрываться в лесу. Там мужик видит сон – будущее, в котором нет его обидчиков – помещиков, купцов, попов и чиновников, там – только крестьяне, которые вместе обрабатывают землю, обмениваются продуктами своего труда и сами управляют своим обществом. Герой сомневается в возможности такого будущего, где без стороннего надзора и принуждения

все честно работают и торгуют. Но вещей старец уверяет мужика в том, что его сон пророческий и убеждает в необходимости проповедовать эту истину. Пробудившись, герой сказки вновь испытывает сомнения, но внезапно получает убедительный знак свыше – он видит, как стая беззащитных птиц спасается от ястреба, а затем – победу табуна лошадей над волком. Это убеждает мужика в правильности пророческого сна, и он идет в путь со своей миссией. По утверждению В. Г. Базанова, «Сказка о копейке» является лучшей сказкой С. М. Кравчинского (и, вероятно, одной из лучших среди всех сказочных брошюр народников), поскольку в ней нет прямых фольклорных заимствований и она освобождена от условного декоративного орнамента, которой украшает повествование той же «Мудрицы Наумовны» [2, с. 183]. Однако простота конструкта – акцентирование внимания на обыденной крестьянской жизни и привычном символе в виде монеты (копейки), как и в случае «Сказки о четырех братьях», размывали дидактическую функцию произведения и сводили его к бытовому рассказу.

Итак, народники в своих сказках предлагали новую модель понимания жизни и новый *modus operandi*, но эта модель не была воспринята народными массами. Данный исход вполне закономерен, поскольку такие модели, согласно Дж. Кэмпбеллу, должны соответствовать тому времени, в котором живет общество [6, с. 32]. Если темпорально соотнести общественные системы крестьян и народников, то они, очевидно, не идентичны – они существуют одновременно, но в разном *историческом времени*. Соответственно социокультурные системы народовольцев и крестьян не совпадали на нескольких уровнях – образования, осознания, быта, ценностных установок и религиозных воззрений. Кроме того, во многих вопросах эти системы не просто не совпадали – они были противоположными. Главным образом это касалось восприятия религии и личности царя. Излишне было бы указывать на чрезвычайную важность православия для крестьян, которое являлось краеугольным камнем их миропонимания. Нравственные устои крестьянства во многом основывались на религиозных сюжетах, поэтому попытки народников изменить взгляд крестьян на религию приводили к нарушению морального равновесия. Прочитавший когда-то крестьянской семье «Сказку о четырех братьях» Н. К. Бух писал, что от нее «впечатление было неважное» – старуха, глава женской половины семейства, сказала, что «лучше бы что-нибудь божественное почитали» [3, с. 91]. Таким образом, негативное отношение революционеров к религии очень сильно отвращало крестьян от идеологии народничества. Вторым важным моментом стало различное отношение этих двух групп к фигуре царя. Особенностью многих сказочных сюжетов и фигур становится то, что они соединяют субъект со сверхличностными целями и над-мировыми силами. Главной из таких фигур в крестьянско-народнической коммуникации была личность царя, которая для крестьян приходилась своего рода образом божьим на земле [8, с. 85–86]. Для революционеров эта фигура несла однозначно негативную коннотацию, что делало диалог по этому вопросу практически невозможным. О. В. Аптекман: «Я замечал, что резкие выходки против царя или религии (последних в бро-

шюрах было вообще мало) действовали крайне неприятно на крестьян; также сильно смущали их энергичные призывы к бунту, восстанию. Вообще, я заметил уже тогда, как чутко народ относится к правде и как его коробит отсутствие чувства меры» [1, с. 170].

Проявление еще одного фактора заключается в разном понимании общественных идеалов. Если для народников это в первую очередь преобразование, то для крестьян совсем наоборот. Основным нравственным ориентиром для крестьянства стала статичность общественной структуры, установленной предками и освященной религией и традициями. Любые изменения, тем более привнесенные извне, рассматривались как покушение на эти системообразующие институты. В то же время параллельно с революционерами-народниками в народ ходили славянофилы, которые также занимались собиранием и изучением фольклора, однако ими потенциал народного творчества использовался в противоположном и угодном крестьянству направлении – с целью сохранения многовековых традиций, экономических деревенских устоев и образа царя-освободителя [2, с. 86].

Таким образом, можно сделать вывод о нежизнеспособности искусственно созданного народниками сказочного конструкта, призванного изменить установки общественного сознания. Имея разные символические и семантические значения мифологем (и идеологем), и не совпадая в мировоззренческих установках, две стратификационные группы не смогли вступить в социокультурную коммуникацию и стать союзниками в социальной и политической борьбе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. – П.: Колос, 1924. – 459 с.
2. Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. – Л.: Художественная литература, 1983. – 344 с.
3. Бух Н. К. Воспоминания. – М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. – 199 с.
4. Дейч Л. Г. За полвека. Т. 1. – Берлин: Грани, 1923. – 306 с.
5. Захарина В. Ф. Голос революционной России. – М.: Мысль, 1971. – 238 с.
6. Кэмпбелл Дж. Сила мифа. – СПб.: Питер, 2018. – 304 с.
7. Кэмпбелл Дж. Маски бога. Изначальная мифология. Т. 1. Ч. 1. – М.: Касталия, 2019. – 236 с.
8. Кэмпбелл Дж. Мифы для жизни. – СПб.: Питер, 2023. – 384 с.
9. Лавров П. Л. Народники-пропагандисты 1873–1878 гг. – СПб.: Типография «Товарищества Андерсона и Лойцянского», 1907. – 318 с.
10. Никифоров А. И. Сказка и сказочник. – М.: ОГИ, 2008. – 376 с.
11. Пропп В. Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928. – 151 с.
12. Пропп В. Я. Русская сказка. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
14. Сафронова Ю. А. Нелегальная литература для народа: читатель воображаемый и реальный // НЛО. – 2019. – № 2. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20890/ (дата обращения 03.09.2024).
15. Суслов А. А., Орлова В. В. Социальное предназначение русской сказки // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2019. – № 3 (34). – С. 21–31.
16. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический Проект, 2010. – 251 с.

REFERENCES

1. Aptekman O. V. Society "Land and Will" 70s. Petrograd: Kolos, 1924, 459 p. (In Russian)
2. Bazanov V. G. From folklore to folk book. Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1983, 344 p. (In Russian)
3. Bukh N. K. Memories. Moscow: All-Union Society of Political Prisoners and Exiles, 1928, 199 p. (In Russian)
4. Deitch L. G. For half a century. T. 1. Berlin: Grani, 1923, 306 p. (In Russian)
5. Zakharina V. F. The Voice of Revolutionary Russia. Moscow: Mysl, 1971, 238 p. (In Russian)
6. Campbell J. The Power of Myth. Saint Petersburg: Peter, 2018, 304 p. (In Russian)
7. Campbell J. Masks of God. Primitive Mythology. Vol. 1. Part 1. Moscow, 2019. (In Russian)
8. Campbell J. Myths for Life. Saint Petersburg: Peter, 2023, 384 p. (In Russian)
9. Lavrov P. L. Narodniks-propagandists 1873–1878. Saint Petersburg: Tipografiya "Tovarishchestvo Anderson and Loitsyansky", 1907, 318 p. (In Russian)
10. Nikiforov A. I. Fairy Tale and Storyteller. Moscow: OGI, 2008, 376 p. (In Russian)
11. Propp V. Ya. Morphology of the Fairy Tale. Leningrad: Academia, 1928, 151 p. (In Russian)
12. Propp V. Ya. Russian fairy Tale. Moscow: Labyrinth, 2000, 416 p. (In Russian)
13. Propp V. Ya. Historical Origins of the Magic Fairy Tale. Moscow: Labyrinth, 2000, 336 p. (In Russian)
14. Safronova Yu. A. Illegal Literature for the People. The Reader Imaginary and Real. *NLO*, 2019, no. 2. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20890/ (accessed 03.09.2024). (In Russian)
15. Suslov A. A., Orlova V. V. The Social Purpose of the Russian Fairy Tale. *Vectors of well-being: economy and socium*, 2019, no. 3 (34), pp. 21–31. (In Russian)
16. Eliade M. Aspects of Myth. Moscow: Academic Project, 2010, 251 p. (In Russian)

Информация об авторах

В. А. Спесивцева, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, wierra@yandex.ru, Новосибирск, Россия

М. Ю. Спесивцева, магистр, Новосибирский государственный педагогический университет, ritaspesivtseva@gmail.com, Новосибирск, Россия

Information about the authors

Vera A. Spesivtseva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, wierra@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

Margarita Yu. Spesivtseva, Master's degree, Novosibirsk State Pedagogical University, ritaspesivtseva@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 12.08.2024

Одобрена после рецензирования 27.09.2024

Принята к публикации 18.10.2024

The article was submitted 12.08.2024

Approved after reviewing 27.09.2024

Accepted for publication 18.10.2024